

ния сложности гуманитарной (к примеру, даже самого первого взгляда достаточно для того, чтобы понять, что термины *рекурсия* и *запутывание* весьма различно маркируют схожие процессы).

5. Размышления о гуманитарной сложности естественным образом ведут к переосмыслению существующей системы ценностей. К примеру, *боль* — это гуманитарная ценность, ее не нужно сразу же обращать в болезнь и глушить таблетками, наркотиками, алкоголем, важно учиться ее переживать, преобразовываясь в этом переживании, изменяясь в этих переживаниях и изменяя весь мир.

И последнее. Многое из того, что представлено в этом тексте напоминает, скорее, манифест, нежели скрупулезное научное исследование. Но это и есть ответ, к примеру, на призыв Центра системных исследований имени Л. фон Берталанфи к авангардным действиям [13], в результате которых только и может быть манифестирован новый порядок, который пока только предчувствуется современным человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И. Сложностный мир и его наблюдатель / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // *Философия науки и техники*. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 70–84.
2. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // *Работы 1920-х годов*. – К. : Next, 1994. – 383 с.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
4. Богатая Л. Н. Проблематизация темы мышления / Л. Н. Богатая // *Философия мышления : сборник статей* / ред. кол. Л. Н. Богатая, И. С. Добронравова, Ф. В. Лазарев ; отв. ред. Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С. 163–195.
5. Богатая Л. Н. Конец постмодернизма? / Л. Н. Богатая // *Наукове пізнання: методологія та технологія*. – 2004. – № 13. – Вип. 1. – С. 17–25.
6. Киященко Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) / Л. П. Киященко // *Философия науки*. Вып. 18: *Философия науки в мире сложности* / отв. ред. : В. И. Аршинов, Я. И. Свирский. – М. : ИФ РАН, 2013. – С. 278–292.
7. Култаева М. Д. Ти мусиш змінити своє життя (переклад М. Култаєвої роботи П. Слотердайка) [Електронний ресурс] / М. Д. Култаєва // *Філософія освіти*. – 2014. – № 1. – Режим доступу : URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/timusish-zminiti-svoe-zhittya-pereklad-m-kultaevoyi-roboti-p-sloterdajka> (дата обращения: 22.03.2016).
8. Морен Э. Метод. Т. 1. Природа Природы / Э. Морен ; пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
9. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
10. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект / Ю. Хабермас // *Вопросы философии*. – 1992. – № 4. – С. 40–53.
11. Эпштен М. De'but de siecle, или От пост- к прото- Манифест нового века [Электронный ресурс] / М. Эпштен. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html>
12. Cilliers P. On the Importance of a Certain Slowness / P. Cilliers // *Worldviews, Science, and Us: Philosophy and Complexity* / ed. by C. Gershenson, D. Aerts, B. Edmonds. – Singapore, 2007.
13. Bertalanffy Center for the Study of Systems Science (BCSSS) [Electronic resource]. – Access mode : <http://emcsr.net/calls-2016/call-for-submission>

Поступила 10.10.2016

Рецензент д-р философ. наук, доц. В. Б. Ханжи

УДК 001:130.2

И. А. Донникова, д-р философ. наук, доц.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Национальный университет «Одесская морская академия», Одесса, Украина

УДК 001:130.2

И. А. Донникова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Национальный университет «Одесская морская академия», Одесса, Украина

Развитие постнеклассической исследовательской программы сопровождается активизацией гуманитарной составляющей. Это дает основания для выделения постнеклассического гуманитарного знания с собственным проблемным полем и методологическим инструментарием. Вместе с тем сохраняется концептуальный и методологический разрыв между постнеклассической наукой и гуманитарным знанием, а значит, актуальность междисциплинарного диалога. Возможность расширить проблемное поле постнеклассического гуманитарного знания связывается с переходом от изучения сложности самоорганизации к самоорганизации сложности. Концепт антропологической сложности является обозначением антропосоциокультурной реальности, которая создается сложным чело-

веком и проявляет себя как феномен сложноорганизованного мира. Антропологическая сложность соотносится с онтологией сложности (становлением, неопределенностью, хаосом, порядком, взаимодействием) и индивидуальной онтологией, в центре которой — человек как культурогенная сложность. **Ключевые слова:** постнеклассическое гуманитарное знание, сложность, самоорганизация, антропологическая сложность, человек, культура.

UDC 001:130.2

I. A. Donnikova

ANTROPOLOGIC COMPLEXITY AS A PHENOMEN OF
POSTNECLASSIC HUMANITARIAN KNOWLEDGE

National University "Odessa Marine Academy", Odessa, Ukraine

Development of postnonclassical research program is accompanied by activation of the humanitarian component. It gives the bases to distinguish the postnonclassical humanities with its own problems and methodological tools. However, there is a conceptual and methodological disparity between postnonclassical science and humanitarian knowledge, and therefore the relevance of interdisciplinary dialogue. The possibility to expand the problematic field of postnonclassical humanities is associated with the move from the research of the complexity of self-organization to the self-organization of complexity. The concept of the anthropological complexity is a designation of antrope-socio-cultural reality, which is created by a complex human and reveals itself as a phenomenon of complexly organized world. Anthropological complexity correlates with the ontology of complexity (becoming, uncertainty, chaos, order, interaction) and individual ontology, which is focused on human as culture-genic complexity.

Key words: postnonclassical humanities, complexity, self-organization, anthropological complexity, human, culture.

Понятие постнеклассической науки, репрезентирующей особый тип научной рациональности, за последние десятилетия трансформировалось в понятие постнеклассики как «особого рода исследовательской программы, когерентно отображающей, на первый взгляд, разрозненные тенденции в науке, философии и культуре, причем не только в современности, но и в истории» [1, с. 9]. Одной из особенностей этой исследовательской программы стала активизация в ней гуманитарной составляющей, что нашло выражение в разработке различных социокультурных приложений теории самоорганизации. В Украине социо-гуманитарные приложения синергетики объединили исследования в области социологии (Л. Д. Бевзенко), философии образования (И. Д. Бех, А. В. Вознюк, Л. С. Горбунова, В. Г. Кремень, И. М. Предборская и др.), психологии (И. В. Ершова-Бабенко, М.-Л. А. Чапа и др.), лингвистики и литературоведения (Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова и др.), культурологии и философии культуры (Л. С. Горбунова, А. В. Свидзинский и др.), художественной культуры (Н. Н. Корниенко, Е. Г. Левченко, О. О. Семенец и др.). Исследования самоорганизующихся социокультурных феноменов сформировали особый методологический инструментарий, получивший совокупное название «синергетический подход», который способствовал разворачиванию междисциплинарного диалога, сохраняя концептуальное единство постнеклассической науки. Его эвристические возможности были продемонстрированы в анализе широкого круга макросоциальных и культурных процессов. В то же время для постнеклассической методологии все еще остаются «непроницаемыми» индивидуально-личностные аспекты бытия человека и культуры.

С одной стороны, есть основания для выделения *постнеклассического гуманитарного знания* с

собственным проблемным полем и методологическим инструментарием. Вместе с тем имеется концептуальный и методологический разрыв между постнеклассической наукой и гуманитарным знанием, который сохраняет актуальность меж- и трансдисциплинарного диалога. На наш взгляд, возможность расширить проблемное поле постнеклассического гуманитарного знания, сделать его более открытым для философско-антропологической, философско-культурологической проблематики связана с *переходом от изучения сложности самоорганизации к самоорганизации сложности*. В концептуальном плане это выражается в переходе от человекообразных к человекомерным объектам.

Следует отметить, что активизация трансдисциплинарного диалога после введения В. С. Степиным понятия «человекообразных объектов» не дала ожидаемых результатов (по крайней мере, для гуманитариев). Видимо, вследствие того, что понятие человекообразности исходит из первичности природного и технологического, а потому, по словам Л. П. Киященко, выражает «машинерию бездушного и бездуховного автомата», который «оживляется» человеком. Человекомерность же указывает на первичность поступков, действий, событий жизненного мира человека, «амеханию творческого начала» [2, с. 76–86]. В то же время человекомерность для постнеклассики с ее синергетическим «ядром» — слишком «гуманитарное» понятие, априори отталкивающее любые естественнонаучные посягательства. Для продолжения диалога, очевидно, необходим концепт-посредник, выражающий процесс гуманизации постнеклассической науки, по выражению Э. Морена, проектирующий, вписывающий антропосоциальную реальность в самую сердцевину физической науки [3, с. 35]. Таким концептом может стать *антропологическая сложность*.

Исследуя сложность, Э. Морен отмечает две ее фундаментальные характеристики. Во-первых, сложность — это холизм, соединение частей, элементов, которые образуют целое с новыми свойствами. Во-вторых, сложность буквально раздираема глубокими, нередуцируемыми противоречиями, которые не столько разрушают, сколько строят ее [3, с. 14]. Природа сложности обусловлена со-производством порядка и беспорядка, отношения между которыми, в свою очередь, раскрываются через три понятия: взаимодействие, «подлинный гордиев узел случайности и необходимости, поскольку случайное взаимодействие — при определенных условиях — играет роль спускового механизма для порождения необходимых результатов»; трансформация, «а именно превращения рассеянных элементов в организованное целое и, наоборот, превращение организованного целого в рассеянные элементы»; организация [3, с. 112].

Е. Н. Князева раскрывает понятие сложности в следующих положениях:

— сложность есть множество элементов системы, соединенных нетривиальными, оригинальными связями друг с другом;

— сложность есть динамическая сеть элементов (элементы соединены по определенным правилам);

— сложность есть внутреннее разнообразие системы, разнообразие ее элементов или подсистем, которое делает ее гибкой, способной изменять свое поведение в зависимости от меняющейся ситуации;

— сложность есть многоуровневость системы (существует архитектура сложности). Сложные системы больше, чем сумма их частей. В то же время и часть может быть сложнее целого;

— сложные системы являются открытыми системами, т. е. обменивающимися веществом, энергией и/или информацией с окружающей средой. Границы сложной системы порой трудно определить (видение ее границ зависит от позиции наблюдателя);

— сложные системы — это такие системы, в которых возникают эмерджентные феномены (явления, свойства);

— сложные системы имеют память, для них характерно явление гистерезиса, при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам);

— сложные системы регулируются петлями обратной связи: отрицательной, обеспечивающей восстановление равновесия, возврат к прежнему состоянию, и положительной, ответственной за быстрый, самоподстегивающийся рост, в ходе которого расцветает сложность [4, с. 41–42].

Э. Морен отмечает, что в организации полисистемного мира особую роль играет связь космического и антропосоциального становления. Вселенная «представляет собой удивительную

архитектуру систем, сооруженных одни на других, одни между других, одни против других, включающихся друг в друга и переплетающихся друг с другом» [3, с. 134–135]. В этом переплетении космофизической и антропосоциальной вселенных, где каждая порождает другую, всецело завися от другой; переплетении объекта-космоса и познающего субъекта, который появляется как событие в космическом становлении, но в то же время в познании охватывает весь космос и порождает его в собственном видении — в этом и обнаруживается сложность — онтологическая, если говорить о сложности мира (и человека), и гносеологическая, если переходить к проблеме его познания [3, с. 127].

Антропосоциокультурная реальность может быть представлена как антропологическая сложность, которая разворачивается «из» сложного субъекта — «с его недостаточностью, ограниченностью, эгоцентризмом, этноцентризмом, а также с его волей, сознанием, вопрошанием и направленностью на исследование... с беспорядком, неопределенностью, противоречием, его смятением перед космосом, потерей привилегированной точки наблюдения, но также и одновременно с осознанием его культурной и социальной укорененности hicetnuns, здесь и теперь» [3, с. 126]. Таким образом, антропологическая сложность соотносится с онтологией сложности (становлением, неопределенностью, хаосом, порядком, взаимодействием) и «индивидуальной онтологией» (В. Г. Табачковский), в центре которой — человек как культурогенная сложность.

К принципам познания сложного Э. Морен относит: принцип рекурсии (челночное движение от частей к целому и от целого к частям); голографический принцип (во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть); принцип обратной связи (причина и следствие замыкаются в рекурсивную петлю: причина воздействует на следствие, а следствие на причину); принцип самопроизводства и самоорганизации (генерирующей петли, в которой продукты сами становятся производителями и причинами того, что их производит); принцип авто-эко-организации, диалогический принцип [3, с. 16–17].

Принципы сложного мышления могут быть интерпретированы как онтологические, использованы для осмысления антропологической сложности. Поскольку объем статьи затрудняет детальное рассмотрение этого концепта, обозначим только общие положения.

В. Г. Табачковский, предлагая антрополого-рефлексивную ориентацию на признание принципиальной взаимодополняемости всех явных и возможных сущностных определений человека, подчеркивает его полисущностность и высказывает предположение, что в ней, быть может, главная трудность поиска человеческой само-

идентичности [5, с. 395]. Полисущностность определяет эссенциально-экзистенциальную неопределенность человека, идентичность которого перестает быть «антропологической константой» (Элиасс).

Человека, с учетом его полисущностности, можно определить как принципиально неустойчивое существо, способное к нелинейной самореализации, в ходе которой высвобождается его разрушительный и творческий потенциал. Именно такой человек призван стать эпицентром антропокультурной онтологии сложности, поскольку две его сущностные потребности — в смыслополагании и самореализации — вынуждают постоянно и вновь создавать собственное бытие через со-производство порядка и хаоса.

Полисущностность репрезентует человека как антропологическую сложность, которой имманентно присуща неопределенность. Э. Морен пишет: «Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений. Это действие вливается во вселенную взаимодействий и, в конечном итоге, поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположное по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим» [3, с. 18]. Привычная линейная схема человека действующего: «предпринятое действие — полученный результат» выявляется непродуктивной и уступает место нелинейной схеме человека полисущностного.

Само стремление человека обрести себя исходит из его принципиальной открытости, изначальной сущностной (эссенциальной) и экзистенциальной неопределенности. Человек всегда пребывает на пути к самому себе, в постоянном самопоиске и самопроектировании. Развертывание человеческой индивидуальности происходит в определенном социокультурном контексте. Но верно также и то, что становящийся человек одновременно создает, формирует, изменяет то, в чем себя обнаруживает. Это означает, что человек и социокультурное пространство генерируют, создают друг друга. На «языке сложности», они связаны по принципу рекурсии — человек во взаимодействии с другими идентичностями продуцирует социокультурную среду, которая, в свою очередь, обладая эмерджентными свойствами, продуцирует человека. В «генерирующей петле» возникают и действуют собственно культурные «механизмы», обеспечивающие становление человека как персонифицированной (С. Б. Крымский) формы культуры.

Полисущностность человека выражается в способности к альтернативной, разновекторной самореализации, включающей и векторы саморазрушения. Набор социальных средств, которые создает и которыми пользуется человек для обеспечения собственного существования, не

обязательно создается в культуре и культурой. В. Г. Табачковский отмечает необходимость учета огромной дифференциации человеческого «Я». Это влечет за собой не только усложнение коммуникации, создание все более утонченных ее форм, но также постоянное распознавание, оценивание разрушения, деструкции человека и человеческих сообществ. В этой альтернативности культура представляет собой способ бытия, в котором через реализацию сущностных потенциалов человека возникают «человекоберегающие» основания, воспроизводимые в виде ценностных инвариантов, смысловых констант.

Способность человека создавать культуру можно рассматривать как само- и смыслопоиск, а культуру отождествлять с самоидентификацией человека как сложности. Обретение или утрата человеком себя для культуры оборачивается тем же — она либо получает возможность развития, либо вырождается, разрушается. Проблема заключается в неоднозначности их взаимодействия, в непрогнозируемости результата, как для человека, так и для культуры. Однако именно культура предоставляет человеку возможность многовариантного поиска себя, удерживая его при этом от утраты собственно «человеческого».

Таким образом, в анализе антропокультурного бытия проблема взаимодействия человека и культуры уступает место проблеме их взаимодействия и взаимоподдержания. Потеря экзистенциальной связи с культурой оборачивается для человека невозможностью стать собой (из-за потери творческих потенциалов). Культура же, не имея спроса (в широком смысле) у человека, перестает существовать как подпитывающая его жизнотворческая сила, становится «мертвой», артефактной. В присущей человеку альтернативности становления единственно безальтернативной является его «приговоренность» к культуре, гарантирующая существование.

Базовое назначение культуры — защита человеческого в человеке, даже если понимание того, что такое человеческое, самим же человеком постоянно меняется. Но и сама культура динамична, она является процессом — осмысления, познания, коммуникации, нормообразования и т. д. Культура действительно способствует всестороннему развитию человека, но это также означает, что в культуре как процессе возникают, сохраняются и постоянно обновляются механизмы сдерживания самораспада человеческого бытия. Культура есть способ самоорганизации антропологической сложности.

В человеческом бытии культура востребована и в своих инвариантных, универсальных формах, и во множестве культурных «миров», с которыми человек встречается в повседневности. Культура дает возможность человеку быть разным, не выходя при этом за границы культурного бытия, не пересекая «критический порог», разделяющий

человеческое и античеловеческое. Человеческая жизнь из хаотического потока переводится культурой в «колебание, удерживающее равновесие благодаря непрерывному движению, порыву и направленности человека, активности и стандартам его действий» [6, с. 203]. Антропологическая сложность возникает на пересечении культурогенного и антропогенного, обретая присущие сложности характеристики.

Традиционно культура отождествляется с социальным гомеостазом, который собственно сама и обеспечивает. Но с гомеостатическими свойствами культуры трудно сочетается, например, ее творческая сущность, поскольку творчество есть инновация, в которой по особому сопряжены созидание и разрушение. В связи с этим в анализе антропологической сложности следует различать состояния стабильности и нестабильности, устойчивости и неустойчивости, в которых человек и культура репрезентуют себя и взаимодействуют по-разному.

Рассмотрение антропологической сложности как самоорганизующейся дает возможность объединить эти базовые состояния. Быть для человека означает не только постоянное существование, самоподдержание и самовоссоздание, но и изменение, рост хаоса, нарушение равновесия, без которых невозможно становление. То есть не только устойчивое развитие, но и кризис является атрибутом человеческого бытия, в условиях которого оно становится бытием «на грани» с рисками самоутраты, выхода за пределы антропокультурного, но благодаря этому способно обновляться.

Что для понимания человеческого бытия дает концепт антропологической сложности? На наш взгляд, это возможность выявления того, как

возникают человеческие бытие-образующие начала, если человек способен не только создавать, но и разрушать, не только сохранять, но и переосмысливать, изменять «человекозащитные» императивы. В поиске ответа на этот вопрос может помочь выстраивание антропосоциокультурной онтологии как онтологии сложности «снизу», в том числе и с помощью методов гуманитарного знания, исследующих феномены индивидуально-личностного бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постнеклассика: философия, наука, культура* : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2009. – 672 с.
2. *Киященко Л. П.* Беспокійство становлення цілостністю. Варіації на тему трансдисциплінарності [Електронний ресурс] / Л. П. Киященко // *Вопросы философии*. – 2015. – № 11. – С. 76–86. – Режим доступа : <http://vphil.ru>.
3. *Морен Э.* Метод. Природа Природы / Эдгар Морен ; пер. и вступ. статья Е. Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.
4. *Князева Е. Н.* Інноваційна складність: загальна методологія і способи організації когнітивних, комунікативних, соціальних систем / Е. Н. Князева // *Інноваційна складність*. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 38–100.
5. *Табачковський В. Г.* Полісутнісне homo: філософськомистецька думка в пошуках «неєвклідової рефлексивності» / В. Г. Табачковський. – К. : Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.
6. *Людина в есенційних та екзистенційних вимірах* / В. Г. Табачковський, А. М. Дондюк, Г. І. Шалашенко [та ін.] ; НАН України ; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди. – К. : Наук. думка, 2004. – 246 с.

Поступила 10.10.2016

Рецензент д-р філософ. наук, доц. В. Б. Ханжи

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи, д-р філософ. наук, доц.

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

В статье показаны методологические возможности эпистемно-парадигмального моделирования времени. Через выявление конкретных парадигм бытия и времени, сформировавшихся в эпистемах античности, средневековья и Возрождения, а также XVII — нач. XXI вв., реконструирована онтологическая линия артикуляции времени.

Онтологической образцовой модели противопоставлена антропологическая парадигма времени, в рамках методологической реконструкции которой автор будет осуществлять дальнейшую разработку концепции антропного времени и исторического процесса.

Ключевые слова: эпистемно-парадигмальное моделирование времени, онтологическая парадигма времени, антропологическая парадигма времени, концепция антропного времени и исторического процесса.